

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ: ПОКОЛЕННЫЙ КОНТЕКСТ

И.А. Скалабан, О.А. Серебрянникова

Новосибирский государственный технический
университет

skalaban@ngs.ru, olga.serebryannikova@gmail.ru

В статье рассматривается проблема влияния территориальной идентичности на характер социального участия в поселении. Выделяются элементы структуры территориальной идентичности. Анализируется репрезентация территориальной идентичности у представителей разных поколений.

Ключевые слова: социальное участие, территориальная идентичность, поколение.

TERRITORIAL IDENTITY AS FACTOR OF SOCIAL PARTICIPATION: GENERATION CONTEXT

I.A. Skalaban, O.A. Serebryannikova

Novosibirsk State Technical University

skalaban@ngs.ru, olga.serebryannikova@gmail.ru

In the article the problem of influence of territorial identity on the nature of social participation in a settlement is considered. The elements of the structure of territorial identity are allocated. The representation of territorial identity at the representatives of different generations is analyzed.

Key words: social participation, territorial identity, generation.

Социальное участие как вид коллективной деятельности индивидов представляет собой горизонтальную активность, осуществляемую в рамках повседневной жизни и направленную на удовлетворение общественного интереса. Посредством участия, на границе между частным и публичным пространством, индивиды вовлекаются в многообразные формальные (ассоциированные) и неформальные ролевые отношения. Социальное участие становится непременным условием возникновения групп, формирования и развития социально-

территориальных общностей и социально-го благополучия конкретного индивида.

Но, способствуя развитию у людей чувства принадлежности, социальное участие может способствовать социальной изоляции и депривации групп, а может этому препятствовать. В этом случае, содействуя достижению баланса между окружающей средой, экономикой и социальной сферой, социальное участие индивидов становится условием устойчивого развития сообществ и поселения.

Важным фактором, оказывающим влияние на направленность, качественные и количественные характеристики социального участия в поселении, выступает характер территориальной идентичности индивидов и групп. Так же как и территориальные интересы, территориальная идентичность объективируется в конкретных типах и формах территориального поведения, в том числе и участия, осуществляемых с учетом специфического понимания субъектом или группой субъектов самой идентифицируемой территории и складывающихся в ее рамках социально-территориальных связей и норм.

Сегодня исследователями изучается характер идентичности как сообществ «интересов», так и сообществ «места»¹; анализируется характер локального уровня территориальной идентичности при оценке потенциала развития территории и сообщества²; территориальная идентичность становится неперенным компонентом анализа в рамках территориального маркетинга, в частности, брендингования территории³.

Наряду с более традиционным социально-экономическим, территориальная идентичность все чаще рассматривается исследо-

вателями в социокультурном и социально-психологическом контекстах. В рамках социокультурного подхода территориальная идентичность — устойчивая, воспроизводимая в массовом и индивидуальном сознании совокупность эмоциональных и рациональных представлений о поселении, организующая деятельность индивидов⁴, поскольку определенное видение и ощущение пространства локализуется в ментальном плане как «пучок» социокультурных образов, представляемых как «реальность»⁵. Это один из механизмов субъективно-личностного освоения социальной реальности за счет символизации пространства, переживания социокультурных обстоятельств и черт, лежащих в основе формирования системы личностных смыслов⁶, что способствует осознанию ценности «места жизни», принятию социально-территориальной общности как своей собственной и в конечном счете готовности к социальному участию индивида в развитии поселения.

Одним из первых этот механизм обозначил еще в 70-е гг. К. Линч. С его точки зрения, в основе территориальной идентичности индивидов лежит единое символическое ядро, служащее объединяю-

¹ Campbel C., Jovchelovitch S. Health, community and development: Towards a social psychology of participation // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. — 2000. — № 10. — С. 255–270.

² Мосиенко Н.А. Локальные территориальные общности: социально-территориальная структура и реальные границы / Н.А. Мосиенко // *Регион: экономика и социология*. — 2007. — № 2. — С. 105–113.

³ Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // *ПОЛИТЭКС*. — 2008. — № 4. — С. 139–151; Замятина Н.Ю. Территориальная идентичность: типы формирования и образы территории // *Идентичность как предмет политического анализа*. — М.: ИМЭМО РАН, 2011. — С. 203–211.

⁴ Петрова Е.А. Имидж Москвы — имидж столицы России / Е.А. Петрова // *Имиджелогия-2004: состояние, направления, проблемы. Материалы Второго Международного симпозиума по имиджелогии* / Под ред. Е.А. Петровой — М., 2004. — С. 106–108.; Линч К. Образ города / К. Линч.; пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. — М.: Стройиздат, 1982. — 328 с.

⁵ Замятин Д.Н. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы // *Идентичность как предмет политического анализа*. — М.: ИМЭМО РАН 2011. — С. 202.

⁶ Шматко Н.А., Качанов Ю.А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования. // *Социологические исследования*. — 1998. — № 4. — С.94–98.; Замятина Н.Ю. Указ. соч. — С. 203–211.

щим началом для жителей той или иной территории, его общественный образ. Становясь своего рода зоной согласия, образ территории составляет основу коллективной территориальной идентичности, носителем которой является индивид, транслирующий не только личностные смыслы, но и те, которые он принимает, усваивает в сообществе. Частью образа становятся только значимые для его носителей смысловые содержательные компоненты, которые делают образ опознаваемым, структурированным и превращают его в носителя определенных практических или эмоциональных значений, давая индивиду возможность действовать «в желаемых пределах окружения»⁷.

В социально-психологическом контексте территориальная идентичность включает в себя когнитивную составляющую (образ территории), дополненную эмоциональным (аффективным) и ценностными компонентами⁸. Представляется, что два эти подхода не противоречат, а скорее дополняют друг друга. Наличие когнитивной, рациональной компоненты территориальной идентичности, набора устойчивых и распространенных в территориальной группе представлений о поселении, территории обуславливает возможность влияния не только на характер территориальной идентичности жителей, но и на выраженность их территориальных интересов и территориального поведения, характера социальных отношений в сообществе.

Последнее обстоятельство и определило выбор социоцентричного подхода к анализу пространственной репрезентации социальной идентичности. В отли-

чие от пространство-центричного подхода – прямой идентификации людей с территорией⁹, социоцентричный подход рассматривает образ поселения не только как образ территории, но и образ социально-территориальной общности или сообщества. При этом, как справедливо заметила Н.Ю. Замятина, важно помнить, что сформированность представлений об определенной территории, и добавим – общности, не означает сформированности соответствующей территориальной общности¹⁰. Выраженность образа, характер идентичности отдельных групп или сообществ сам по себе не обязательно приводит к их развитию, но может способствовать маргинализации и депривации. Соответственно и вызванное им социальное участие индивидов и групп может стать как механизмом реализации инклюзивных функций, содействуя развитию сообщества¹¹ через интеграцию отдельных групп, вовлечение их в текущие общественные процессы, так и эксклюзивным механизмом поддержания социальной исключительности отдельных групп¹².

Одним из оснований дифференциации общественных образов территории, поселения, влияющих на субъектность индивида, а как следствие – на готовность и характер социального участия, может выступать поколенческий фактор. Его роль

⁹ Замятина Н.Ю. Указ. соч. – С. 205.

¹⁰ Там же. – С. 208.

¹¹ Bittman M. Social Participation and Family Welfare: The money and time costs of leisure. SPRC. Discussion Paper № 95. February 1999. ; Bergstresser S. Citizenship and Social Participation. Voting for People with Psychiatric Disabilities // Anthropology News, November 2008. – P. 7.

¹² Campbell C., Jovchelovitch S. Health, community and development: Towards a social psychology of participation // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2000. – № 10. – P. 255–270.

⁷ Линч К. Указ. соч. – С. 37

⁸ Самошкина И.С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен: Автореф. ... канд. психол. наук. – М., 2008. – 29 с.

особенно возрастает в транзитивный период смены общественных укладов и социокультурных норм. В этих условиях возрастная группа людей, испытывавшая влияние одних и тех же общественных, политических, экономических, технологических событий, обладающая похожими ценностями, должна транслировать и похожий образ территории, ориентироваться на традиционные для нее практики социального участия.

Описанные здесь социальные конструкторы требуют практического подтверждения, что и определило задачи проведенного эмпирического исследования. Авторы пытались разобраться, насколько характер социального участия зависит от характера территориальной идентичности жителей поселения, в частности, от транслируемого жителями, потенциальными субъектами участия, образа территории. Существует ли зависимость в характере территориальной идентичности от поколенческого фактора?

В поисках ответов на поставленные вопросы авторы исходили из того, что сам характер социального участия в поселении может проявляться как через структуру разовых «ситуативных» практик, так и через структуру повторяющихся практик индивидуального или коллективного участия в социально значимых действиях объективно направленных на устойчивое развитие территории и социально-территориальной общности. В их основе лежит спонтанная социализация, т. е. способность индивидов благодаря, скорее, общим ценностям, нежели договорным отношениям, создавать новые объединения, многочисленные промежуточные сообщества и новые рамки взаимодействия, которые отличаются как от родственных, так и от создаваемых целенаправленными государственными уси-

лиями¹³. Проявлением спонтанной социализации могут выступать участие индивидов в объединениях различного уровня формализации и длительности существования – от неформальных общностей нерегулярного взаимодействия (тусовки) до стабильно существующих неформальных групп (спортивные команды) и формализованных общественных объединений (совет ветеранов). Все они могут рассматриваться как механизмы участия индивидов в удовлетворении личного и общественного интереса и одновременно субъекты социального участия.

Поколенные аспекты территориальной идентичности и социального участия изучались в рамках исследования с помощью полуструктурированного интервью и фокус-групп с использованием технологии совместного картирования. Исследования проводились в двух поселках городского типа – Сузун и Ордынское Новосибирской области. Выбор поселений обусловлен их относительно схожими размерами (15 и 10 тысяч жителей соответственно), природно-климатическими условиями (расположены рядом с лесными массивами), относительной удаленностью от мегаполиса, а также схожими ориентирами в социально-экономическом развитии (ориентация на развитие туристско-рекреационных зон). В ходе исследования было проведено 34 индивидуальных интервью (28 с жителями, 6 с представителями местных органов исполнительной власти) и 62 человека приняли участие в шести фокус-группах. Критерии отбора информантов: опыт формализованного или неформализованного социального участия и соответствие выделенным возрастным группам. Методо-

¹³ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма; пер. с англ. – М.: АСТ; Ермак, 2004. – С. 54–55.

логической основой для выделения возрастных групп послужила теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса, адаптированная для российского контекста Е. Шамис¹⁴, в соответствии с которой для исследования были выбраны совершеннолетние жители, чей возраст соответствовал одному из трех поколений: старшее (50–69 лет), среднее (29–49 лет), младшее (18–28 лет).

Характер территориальной идентичности рассматривается в исследовании как тесно пересекающиеся эмоциональная, ценностная, когнитивная составляющие. Когнитивная составляющая территориальной идентичности – образ территории. Он включает в себя представления о состоянии экономики, современных событиях, прошлом, условиях жизни, демографической ситуации, порядке и контроле.

Полученные данные демонстрируют, что структурные элементы когнитивной составляющей территориальной идентичности – образа поселения – распределены неравномерно. В обоих поселениях в основе структуры образа поселения лежит природный фактор. Одновременно существенное влияние на образ поселений оказывает образ сообщества. Значимым компонентом образа для жителей п. Сузун является исторический фактор, отражающий их высокую социально-историческую чувствительность, а для жителей Ордынского – общая динамика развития, уровень экономического развития и условия жизни.

Наблюдается определенная компенсаторность в распределении элементов как внутри когнитивной составляющей, так и между составляющими территориальной идентичности. К примеру, низкая хозяй-

ственная активность в поселении компенсируется в представлении информантов качественными характеристиками жителей, т. е. качеством самого сообщества. Это особенно характерно для старшей возрастной группы: «правда, промышленности у нас маловато, но вообще народ очень талантливый». Высокая ценность природного фактора компенсирует слабо сформированный, а в младшей возрастной группе и вовсе отсутствующий визуальный образ собственно поселения. Образ поселений как градостроительных объектов замещен образом природы и жителей. Ценностная и аффективная составляющие до известной степени компенсируют низкую рациональную (когнитивную) составляющую, формируя территориальную идентичность, основанную на высокой эмоциональной привязанности и ориентации на ценность семейно-родственных отношений.

При детальном рассмотрении наблюдаются качественные особенности природного фактора как ключевого компонента образа, способного оказать влияние на выраженность и характер территориальной идентичности и, как следствие, на готовность к социальному участию.

Для жителей п. Ордынского высока ценность парков, лесов, рек Обь и Орда, значимость доступа к ним и их качества. Их главная функция, в интерпретации жителей, – рекреационная. Особенно значимость природного фактора высока для молодежи и наиболее сильно подкреплена их эмоциональной и ценностной вовлеченностью. Природа является для них одним из значимых мотиваторов для проживания в поселении. Но в п. Ордынском – как «зимнем», так и «летнем» – имеющиеся катки, пляжи, парки – места пересечения интересов поколений. Совпадение их значимости

¹⁴ Шамис Е. Основы теории поколений [Электронный ресурс] / Е. Шамис. – Режим доступа: <http://rugenations.su>.

с одновременным существованием различных ожиданий в отношении ее использования порождают антагонизмы, способствуют росту противоречий, а в случае отсутствия естественного или целенаправленного зонирования природных объектов и территорий становятся объектами межгрупповых и межпоколенческих конфликтов.

Ценность природного фактора актуализирует сферы и формы социальной активности, с ним связанные. Старшая возрастная группа успешность и перспективы развития поселения видит скорее в развитии сельскохозяйственного и промышленного производства, а решение экологических проблем оценивает через критерий социальной справедливости. В свою очередь, для младшей возрастной группы природно-рекреационный фактор – условие развития поселения. С ним молодежь связывает повышение качества жизни.

Анализ представлений информантов о распределении ответственности между жителями и местными органами власти показал, что именно в таких позициях, как уборка мусора, контроль за чистотой в лесах и парках, строительство детских площадок, инициатива в участии, с точки зрения жителей, и особенно молодежи, должна идти не столько от органов власти, сколько от населения. Участие в такой деятельности рассматривается как одобряемое, особенно если она носит неформализованный инициативный характер. Вместе с тем отмечаются разные ожидания жителей и представителей местных органов власти в отношении форм участия. Для жителей, которые в процессе исследования заявляли о готовности и необходимости участия в решении экологических проблем и проблем благоустройства, на настоящий момент значим сам факт их участия в привлечении вни-

мания к проблеме. Представления о возможных вариантах участия, и особенно о сотрудничестве с органами власти, крайне размыты, исключая понимание недостаточности информирования о проблеме. Со своей стороны органы власти видят участие жителей в варианте квалифицированного изложения «что конкретно делать», что само по себе затрудняет понимание позиций и поиск перспективных форм участия с обеих сторон.

В отличие от п. Ордынское, в п. Сузун высокая значимость природного фактора наблюдается не во всех поколенных группах.

Бор является одновременно хозяйственной, а также духовной и эстетической ценностью, эмоционально нагруженной скорее для старшего поколения. С ним связывают возможность выживания в любых условиях. У информантов старшей группы имеются устойчивые представления о традиционных хозяйственных практиках, индивидуальных формах социального участия, осуществляемых в соответствии с устойчивыми неформальными нормами и правилами природоохранной деятельности и природопользования («Раньше с граблями за грибами не ходили, перед людьми стыдно было бы»).

В представлениях о природе средней возрастной группы наблюдается некоторое понижение значимости хозяйственной ценности бора с одновременным усилением ценности его рекреационной функции. Чувствительность данной возрастной группы к лесу как рекреационному ресурсу отразилась в беспокойстве о его качестве и чистоте и демонстрации определенной готовности к участию в деятельности по очистке бора. Это единственная группа, отметившая на изображаемой ими карте, гра-

ницы поселения мусорными свалками на территории бора.

Что касается младшей возрастной группы, то на изображенной ими карте бор отсутствует. Он фактически не используется как топонимический ориентир для выделения границ поселения. Для тех же информантов возрастной группы 18–28 лет, кто упоминал о нем в ходе индивидуальных интервью, лес представляет ценность более рекреационную, чем хозяйственную и эстетическую. Одновременно наблюдается сокращение репертуара упоминаемых молодежью социальных практик, связанных с использованием бора как рекреационного ресурса. Ценность сохраняют только те его места, которые связаны с водой и могут быть использованы для досуга, кратковременного отдыха (купание, шашлыки). Наблюдается понижение и эмоциональной составляющей отношения к бору.

Как следствие, среди практик участия, выделяемых в интервью информантами, крайне мал удельный вес деятельности, связанной с решением экологических проблем и проблем благоустройства. Упоминаемые практики часто не связаны с личным опытом участия информанта, сопровождаются упоминанием «раньше было...». Наблюдается незначительное упоминание инициативных акций или практик совместного участия в решении экологических проблем в системе неформализованных отношений. Мероприятия, проводимые в этом отношении местными органами власти или общественными организациями, упоминаются и скорее одобряются, но с собой их информанты часто не идентифицируют.

Понижение значимости природного фактора у информантов младшего поколения п. Сузун не компенсируется вниманием к внешнему облику поселения. В индивиду-

альных и групповом интервью отсутствуют упоминания о визуальных характеристиках поселка, условиях жизни и сервисах как важных компонентах значимости территории. Молодежь слабо чувствует динамику развития при сохранении высокой эмоциональной привязанности к поселению и позитивной оценке качеств его жителей.

Наличие установок на интерес к жителям в большей степени присуще старшей и младшей возрастным группам. В обоих поселениях при характеристиках образа жителя поселения информантами наблюдается преобладание позитивных характеристик в субъективных оценках членов сообщества. Примечательно, что трудолюбие как социальная характеристика является малозначимой для всех возрастных групп, исключая старшую возрастную группу п. Ордынское.

Информанты отмечают наличие сильных внутренних, в том числе дружеских, родственных связей, но при этом указывают на значительную сегментацию жителей по статусу, предыдущему опыту отношений (п. Сузун), большое количество микросообществ (п. Ордынское). Являясь особенно чувствительными к существующей в п. Сузун социальной дифференциации, они тем не менее наиболее позитивно оценивают сложившиеся социальные связи, хотя отмечают их частичную закрытость для приезжих, вернувшихся. В ответах информантов молодой группы наблюдается более частое упоминание традиционных связей, нарабатанных в течение первичной социализации. Это затрудняет восстановление связей после временного отсутствия (например, обучения) и способствует формированию микросообществ с устойчивыми статусными и групповыми границами.

Вне зависимости от ориентации на те или иные виды характеристик жителей в обоих поселениях сформировался устойчивый эмоционально-негативный стереотип в отношении молодежи. Молодежь как активных субъектов общественной деятельности информанты других поколенческих групп за редким исключением не рассматривают. Наблюдается низкий уровень доверия со стороны других возрастных групп к молодежи. Он монолитен и негативен. («Все талантливые уже уехали...»).

В свою очередь, информанты молодого и среднего поколения, заявляя о готовности к участию в развитии поселения, не рассматривают возможность решения общественных проблем через решение общественных, отделяя одно от другого. Наблюдается сепарация позиции индивида в поселении по линии частное–общественное, сепарация участия и ответственности. Участие в решении проблем поселения воспринимается скорее как форма благотворительности, выражения эмоциональной признательности родному поселку, нежели одна из возможностей реализации личных жизненных шансов. Соответственно, и радиус неформальной социальной помощи, и социального участия индивидов ограничивается чаще всего средой родственников, реже соседей, т. е. ближайшим социальным окружением, причем большинство выделяемых практик помощи – это способ выхода из трудной жизненной ситуации.

Наиболее наглядно эти процессы происходят на тех территориях поселений, где активно осуществляется индивидуальное строительство. Именно на периферии поселения п. Ордынское, в местах строительства, информанты указали наибольшее количество известных им индивидуальных и коллективных практик неформального

участия жителей в решении проблем микросообщества, проживающего на данной территории. Истории описанных случаев позволяют выделить определенный вектор вовлечения жителей в активную деятельность на новых территориях: совместная хозяйственная деятельность – совместное благоустройство – участие в создании инфраструктуры досуга. Но все же устойчивость данные процессы приобретают в случае, если есть известные и очевидные каналы поддержки инициативного участия: доступ к грантам, заинтересованность и поддержка депутатов и т. д.

Соотнесение неформальных и формализованных практик участия также дифференцировано по поколенческим группам.

Упоминаемые информантами НКО ориентированы в большей степени на старшую возрастную группу, представляя собой скорее объединения клубного типа. Доверие к НКО падало с каждой последующей возрастной группой. Большинство жителей не рассматривают существующие НКО как инструмент развития территории.

Если воспользоваться типологией репрезентации территориальной идентичности, предложенной Н.Ю. Замятиной, то можно отметить, что характер репрезентаций образов поселений разными поколенческими группами отличается и по иным параметрам. С точки зрения исследователя, образы территории можно условно разделить на местные, или «вертикальные», поскольку их содержание наращивается безотносительно к окружающему пространству, и пространственные, или «горизонтальные», как бы выросшие во внешнее пространство. Для существования последних необходим объект постоянных сравнений, что, по мнению ученого, служит признаком незрелости «образаобразования».

Если вернуться к исследованию, то следует отметить, что в обоих поселениях старшая возрастная группа демонстрирует безусловное принятие территории («потому что родина»), т. е. вертикальную репрезентацию территориальной идентичности. Для молодого поколения важен в большей степени факт сравнения с другими территориями, т. е. присутствуют признаки горизонтальной репрезентации. Для поддержания такой личностно-эмоциональной вовлеченности требуются не только усвоенные нормы («надо любить малую родину»), но и информация об успехах поселения, информация, позволяющая его позиционировать относительно других поселений.

Таким образом, исследование показало, что структура территориальной идентичности, значимые компоненты ее когнитивной составляющей в целом совпадают со сферами социального участия. В большей степени это совпадение свойственно практикам неформальным или инициативным со стороны жителей, но поддержанным грантовыми программами, в меньшей – отражается в структуре и содержании деятельности существующих на сегодняшний момент формализованных структур – НКО. В основе успешности развития того или иного поселения информанты видят человеческий фактор, выражающейся в активности как сообщества, так и в качестве существующей системы местного управления.

Существенная проблема – выраженное присутствие в представлениях информантов деления на личное и общественное. Часто даже активные жители не видят перспектив решения личных проблем через их осмысление как общественных, социально значимых, что является препятствием для

объединений в сообщества и социального участия для развития поселения.

Представляется, что личная эмоциональная привязанность к поселению может стать мощным ресурсом консолидации, обеспечив готовность к участию («неважно, какой Сузун, мы готовы защищать его»). Но в условиях слабого развития практик и институтов проактивной социальной мобилизации в сообществе и ограничения социальных связей преимущественно семейно-родственными границами подобный характер территориальной идентичности позволяет человеку закрыться в личном пространстве, не покидая территории, осуществляя хозяйственную деятельность с минимальной ориентацией на социальное окружение.

Литература

Завалишин А.Ю., Рязанцев Ю.П. Территориальное поведение. Опыт теоретико-методологического анализа // Социологические исследования. – 2005. – № 9. – С. 83–92.

Замятин Д.Н. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы // Идентичность как предмет политического анализа. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 186–203.

Замятина Н.Ю. Территориальная идентичность: типы формирования и образы территории // Идентичность как предмет политического анализа. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 203–211.

Линч К. Образ города / К. Линч; пер. с англ. В.А. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.

Мастеница Е.Н. Локальное сообщество в поисках территориальной идентичности: культурологический подход // Историческая география: теория, методы, инновации: материалы III международной науч. конф. / Санкт-

Петербург. 23–25 апреля, 2007 г.) – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. – С. 424–429.

Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // ПОЛИТЭКС. – 2008. – № 4. – С. 139–151.

Мосиенко Н.А. Локальные территориальные общности: социально-территориальная структура и реальные границы / Н.А. Мосиенко // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 2. – С. 105–113.

Петрова Е.А. Имидж Москвы – имидж столицы России / Е.А. Петрова // Имиджелогия-2004: состояние, направления, проблемы. Материалы Второго Международного симпозиума по имиджелогии / Под ред. Е.А. Петровой. – М., 2004. – С. 106–108.

Самошкина И.С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен: Автореф. ... канд. психол. наук. – М., 2008. – 29 с.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма; пер. с англ. – М.: АСТ; Ермак, 2004. – 730, [6] с. – (Philosophy).

Шамис Е. Основы теории поколений [Электронный ресурс] / Е. Шамис. – Режим доступа: <http://rugenations.ru>.

Шматко Н.А., Качанов Ю.А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. – 1998. – № 4. – С. 94–98.

Bergstresser S. Citizenship and Social Participation. Voting for People with Psychiatric Disabilities // Anthropology News, November 2008. – P.7.

Bittman M. Social Participation and Family Welfare: The money and time costs of leisure. SPRC. Discussion Paper. – № 95. – February 1999.

Campbell C., Jovchelovitch S. Health, community and development: Towards a social psychology of participation. // Journal of Community & Applied Social Psychology. – 2000. – № 10. – P. 255–270.